

Jewgienij Kabłukow

Uniwersytet w Jeketerynburgu

**МЕТАМОРФОЗЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМА
„ПЯТАЯ КОЛОННА”
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
МЕДИДИСКУРСЕ***

**The Metamorphosis of the Phraseological Unit „The Fifth Column”
in Modern Russian Media Discourse**

ABSTRACT: The paper deals with the phraseological unit ‘the fifth column’, which functions in the modern Russian media discourse as an officious ideologeme. State propaganda uses this ideologeme to refer to the opposition legally operating in the country, which is contrary to both the dictionary meaning of the phraseological unit and the long-term practice of its use. This semantic transformation delegitimizes opposition who are perceived (according to the traditional meaning of the phraseological unit ‘the fifth column’) as traitors who should be eradicated. At the same time, this ideological practice meets resistance, mainly from the so-called opposition media.

KEYWORDS: fifth column, Russian ideology, media discourse, propaganda, opposition

1. Вводные замечания

В современном российском медиадискурсе наблюдается актуализация фразеологизма „пятая колонна”, который наполняется новым содержанием и функционирует как *официозная идеологема*. Об этом, среди прочего, свидетельствует его воспроизведение в так называемой Крымской речи президента России Владимира Путина. Это событие можно воспринимать как акт легитимации данной языковой единицы в качестве компонента господствующей

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. Проект "Национально-гражданская идентичность россиян в дискурсе СМИ: концепт "информационная война" как мобилизационный фактор идентификации" № 16-04-00460.

в России идеологии, реализуемой представителями власти и средствами государственной пропаганды.

Идеология, которую мы вслед за Т.А. ван Дейком определяем как систему „фундаментальных убеждений, лежащих в основе общих социальных представлений определенных социальных групп”¹, традиционно привлекает внимание представителей различных гуманитарных наук, в том числе лингвистов². Особое место занимает изучение советской идеологии, ее экспликации в форме так называемого тоталитарного языка и его идеологизированных знаков, которые в российской научной традиции принято называть идеологемами³. В то же время идеологическая система современной России намного реже становится предметом рефлексии ученых, как российских, так и зарубежных. При этом значительная часть таких работ демонстрирует связь современной российской идеологии с системой идей и взглядов советского периода⁴.

Настоящее исследование нацелено на выявление специфики функционирования идеологически нагруженного фразеологизма „пятая колонна” в современном российском медиадискурсе. Для достижения поставленной цели мы рассматриваем обозначенную идеологему в диахроническом аспекте. В связи с этим материалом исследования служат, с одной стороны, тексты советских СМИ тоталитарного периода, в которых впервые появляется словосочетание „пятая колонна”, с другой стороны, современные медиатексты, в которых происходит реактуализация данной языковой единицы, функционирующей в качестве офи-

¹ Т.А. van Dijk, *Ideology and discourse analysis*, „Journal of Political Ideologies” 2006, № 11 (2), с. 120. См. также: Т.А. van Dijk, *Discourse, ideology and context*, „Folia Linguistica” 2001, вып. 35, №. 1–2, с. 12–16.

² См.: R. Fowler, *Language in the News: Discourse and Ideology in the Press*, London New York: Routledge 2013; J.P. Gee, *The social mind. Language, ideology, and social practice*, New York: Bergin & Garvey 1992; B. Hodge, G.R. Kress, *Language as ideology*, London New York: Routledge 1993; M. Pêcheux, *Language, semantics, and ideology*, New York: St. Martin’s Press 1982; Т.А. van Dijk, *Ideology. A multidisciplinary approach*. London: Sage Publications 1998; Т.А. van Dijk, *Ideology and discourse analysis...*; Т.А. van Dijk, *Discourse, ideology and context...*; R. Wodak, *Language, power, and ideology. Studies in political discourse*, Amsterdam Philadelphia: J. Benjamins Pub. Co. 1989.

³ См.: Н.А. Купина, *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*, Екатеринбург Пермь: Изд-во Урал. ун-та 1995; В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, *Толковый словарь языка Совдепии*, Санкт-Петербург: Фолио-Пресс 1998; P. Sériot, *Analyse du discours politique soviétique*, Paris: Institut d’études slaves 1985; A. Ventsel, *The role of political rhetoric in the development of Soviet totalitarian language*, „Russian Journal of Communication” 2009, т. 2, № 1–2.

⁴ См.: Г.Ч. Гусейнов, *Карта нашей родины: идеологема между словом и телом*, Москва: ОГИ 2005; Г.Ч. Гусейнов, *Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*, Москва: Три квадрата 2003; Н.А. Купина, *Идеология ОНФ в языковом представлении (по материалам текущей прессы)*, „Политическая лингвистика” 2013, № 4 (46); Н.А. Купина, *Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города*, [в:] *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та 2006; H. Goscilo, *Putin as celebrity and cultural icon*, London New York: Routledge 2013.

циозной идеологемы. В качестве дополнительного источника эмпирического материала привлекаются данные толковых словарей русского языка, в том числе советского периода, которые, по меткому замечанию Н.А. Купиной, можно считать „лексикографическими памятниками тоталитарной эпохи”⁵.

Используя понятия „официозная идеологема” и „официозная идеология”, мы исходим из того, что ст. 13.2 Конституции России предусматривает запрет официальной (государственной) идеологии⁶, но при этом в стране существует политическая идеология, которая формируется в выступлениях высших должностных лиц и реализуется посредством проправительственных массмедиа, все чаще выступающих в качестве средств государственной пропаганды. Такую идеологию мы условно называем официозной – по аналогии со средствами массовой информации, которые «формально не связаны с правительством, но на деле проводят его точку зрения»⁷.

Отметим также, что фразеологизм „пятая колонна”, будучи компонентом официозной идеологии, выполняет одну из базовых идеологических функций разграничения своих и чужих. Он используется как номинация врага, конструирование образа которого позволяет сплотить „мы-группу”⁸.

2. Пятая колонна: от Испании до Советского Союза

Происхождение устойчивого сочетания „пятая колонна” связывают с Гражданской войной в Испании:

Выражение родилось в годы национально-революционной войны в Испании (1936–1939) и принадлежит генералу франкистской армии Эмилио Мола. Во время наступления на Мадрид осенью 1936 г. он по радио сообщил республиканцам, защищавшим город, что кроме четырех армейских колонн располагает в Мадриде пятой колонной. Так он назвал сеть тайных агентов, шпионов, а также сочувствующих франкистам предателей, которые действовали в городе⁹.

⁵ Н.А. Купина, *Тоталитарный язык...*, с. 4.

⁶ *Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.*, Москва: Юридическая литература 1996, с. 8.

⁷ *Большой толковый словарь русского языка*, Санкт-Петербург: Норинт 2001, с. 768.

⁸ См.: J. Oddo, *War legitimization discourse: Representing ‘us’ and ‘them’ in four presidential addresses*, „Discourse & Society” 2011, т. 22, № 3; A. Sowińska, T. Dubrovskaya, *Discursive construction and transformation of ‘us’ and ‘them’ categories in the newspaper coverage on the US anti-ballistic missile system: Polish versus Russian view*, „Discourse & Communication” 2012, т. 6, № 4; R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart, *The Discursive Construction of National Identity*, Edinburgh: Edinburgh University Press 1999.

⁹ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург: Фолио-Пресс 2001, с. 284. См. также: L.A. Losada, *The fifth column in the Peloponnesian War*, Leiden: Brill 1972, с. 4.

По мнению Д.Л. Болинджера, первое англоязычное упоминание о пятой колонне датируется 16 октября 1936 года, когда газета „Нью-Йорк Таймс” получила от своего корреспондента телеграмму следующего содержания:

Вчера вечером в Мадриде полиция начала осматривать дом за домом в поисках повстанцев... Поводом для этих рейдов..., вероятно, стало недавнее выступление в эфире повстанческой радиостанции генерала Эмилио Мола. Он заявил, что рассчитывает на четыре колонны войск за пределами Мадрида и другую колонну, скрывающуюся внутри города и готовую присоединиться к захватчикам, как только они войдут в столицу¹⁰.

Советский журналист Михаил Кольцов, работавший в 1930-х гг. в Испании корреспондентом газеты „Правда” (официальный печатный орган Всесоюзной коммунистической партии большевиков), выдвигает иную версию:

Генерал Варела объявил, что фашистская армия наступает на Мадрид пятью колоннами: по эстремадурской дороге, по толедской, через Авилу (Гвадаррама) и через Сигуэнсу (Гвадалахара); пятая колонна – это фашистское подполье самой столицы¹¹.

Есть также мнение, что рассматриваемое выражение использовалось и ранее¹², однако широкое распространение оно получает именно в контексте Гражданской войны в Испании и практически сразу закрепляется в советском медиадискурсе. Сначала оно используется для обозначения испанской пятой колонны, например, в репортажах Михаила Кольцова, опубликованных позднее под заголовком „Испанский дневник”¹³. В дальнейшем значение фразеологизма адаптируется к условиям советского тоталитарного государства и получает соответствующее семантическое и идеологическое приращение: в состав пятой колонны попадает та часть внутренних врагов, которая имеет установленную связь с фашизмом, в первую очередь, так называемые троцкисты. В качестве примера рассмотрим фрагмент рецензии на книгу Франца Шпильгагена *Шпионы и заговорщики в Испании*. Данная рецензия была опубликована в „Комсомольской правде” – одной из наиболее популярных советских газет.

---

¹⁰ D.L. Bolinger, *Fifth column marches on*, „American Speech” 1944, вып. 19, № 1, с. 47.

¹¹ М.Е. Кольцов, *Испанский дневник*, Москва: Советский писатель 1958, с. 191.

¹² L.A. Losada, *The fifth column...*, с. 4–5.

¹³ См.: М.Е. Кольцов, *Испанский дневник...*

В борьбе за Мадрид генерал Франко рассчитывал на помощь так называемой „пятой колонны” – фашистских групп, оставшихся в самом Мадриде. Эта „пятая колонна” была организована задолго до мятежа и вооружена германскими фашистами. (...) Книга не только представляет большой интерес для уяснения подлой роли, выполняемой германским фашизмом в Испании, но она также дает ключ для понимания форм и методов разрушительной работы германского фашизма, проводимой в других странах.

Суд над презренной бандой троцкистов показал всему миру, что эти злобные выученики германского гестапо переняли у германских фашистов наиболее отвратительные способы подрывной, диверсионной работы, пытаясь нанести трудящимся Советского Союза предательский удар в спину. Книга учит распознавать методы борьбы врагов человечества, какой бы личиной они ни прикрывались; она вскрывает сокровенные нити, по которым распространяется яд агрессии и человеконенавистничества

(В. Гардасников, *Германский шпионаж в Испании*,
„Комсомольская правда”, 8.05.1937).

Автор рецензии прямо связывает испанскую пятую колонну с советской и тем самым приспособливает яркое словосочетание под решение актуальных идеологических задач по конструированию образа внутреннего врага. При этом упоминается *суд над презренной бандой троцкистов*, что позволяет подчеркнуть официальный статус делигитимации врага, зафиксированный приговором суда над членами „Право-троцкистского блока”¹⁴. Отметим также чрезвычайно высокую концентрацию вербальной агрессии, которая достигается за счет насыщения текста оценочной лексикой (*мятеж, подлый, разрушительный, презренный, банда, злобный, отвратительный, подрывной, диверсионный, предательский, удар в спину, враг, яд, агрессия, человеконенавистничество*). Эта агрессия, направленная на германский фашизм и его сторонников в разных странах, в том числе в Советском Союзе, безусловно, влияет на восприятие словосочетания «пятая колонна», которое приобретает не только однозначную и интенсивную отрицательную оценку, но и яркую эмоциональную окраску.

В дальнейшем наблюдается еще большее расширение значения рассматриваемого фразеологизма. В результате к пятой колонне относят не только тех врагов, которые имеют непосредственную связь с фашизмом:

Летом 1918 года белогвардейские банды Краснова, щедро оплачиваемые и снабжаемые империалистическим командованием германской армии, решили взять Царицын, отрезать промышленные центры страны от нефти, угля и про-

¹⁴ См.: *Судебный отчет по делу антисоветского „право-троцкистского блока”*, Москва: Юридическое издательство 1938.

довольствия и, соединившись в районе Царицына с восточной контрреволюцией, одним ударом покончить с Советской республикой. Под Царицын был направлен товарищ Сталин. Под руководством товарища Сталина Царицын быстро был превращен в неприступную крепость. „Пятая колонна”, свившая себе прочное гнездо в городе, засевшая в штабах и органах военного снабжения, была уничтожена, был восстановлен порядок и военная дисциплина. Все было подчинено фронту, перестроено на военный лад

(Д. Пушкин, *Великий полководец Советской страны*, „Советская Сибирь”, 21.12.1941).

В данном фрагменте описаны события Гражданской войны в России 1917–1922 гг. Пятой колонной названы тайные сторонники белогвардейцев, связанные, по утверждению автора, с иностранными империалистами. Речь уже не идет о фашизме, но неизменным остается военный контекст: пятая колонна – это по-прежнему предатели, тайно поддерживающие врагов в рамках вооруженного противостояния. Интенсивность отрицательной оценки поддерживается за счет одиозных, с точки зрения советской системы, идеологем (*белогвардейский, империалистический, контрреволюция*).

Толковые словари русского языка, изданные в советский период и отражающие специфику тоталитарного дискурса, фиксируют значения, соответствующие приведенным выше примерам:

Пятая колонна. О предателях, изменниках, находящихся на содержании враждебных государств и используемых для шпионажа, диверсий и разложения тыла той или другой страны. (Первоначально – о контрреволюционной группе, действовавшей в тылу Испанской республики в 1936–1939 гг.). *В каждой стране, куда имел доступ гитлеризм, создавалась шпионско-диверсантская „пятая колонна” Гитлера, выполняющая все директивы германского фашизма.* Калинин. Ненависть народа¹⁵.

Ключевыми признаками пятой колонны названы незаконный характер её деятельности и связь с враждебными государствами. Показательным является и исторический экскурс, указывающий на связь с фашизмом, а также иллюстративный материал, усиливающий эту связь.

Рассмотрим еще одно определение:

Совокупность лиц, занимающихся подрывной, антигосударственной деятельностью (часто по заданию иностранной разведки) в стране с револю-

¹⁵ *Словарь русского языка*: в 4 т., т. 2, Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей 1958, с. 1184.

ционным или народно-демократическим режимом (по названию контрреволюционных сил, действовавших в республиканском Мадриде и помогавших, франкистским мятежникам, осаждавшим город четырьмя колоннами)¹⁶.

Остановимся на отличиях данного толкования от предыдущего. Во-первых, сотрудничество с иностранным государством становится дополнительной семой, то есть факультативным элементом значения фразеологизма, а его ядерными смыслами – подрывная и антигосударственная деятельность. Во-вторых, появляется идеологическая характеристика режимов, против которых действует пятая колонна. Возможно, этот прием применяется для того, чтобы исключить использование одиозной номинации в отношении лиц, занимающихся подрывной деятельностью в капиталистических странах в интересах *стран с революционным или народно-демократическим режимом*, например, советских разведчиков, действующих на территории иностранных государств.

Подведем первые итоги. Этимология и практика употребления рассматриваемого фразеологизма в советском тоталитарном медиадискурсе обуславливают высокую концентрацию агрессии, которая нашла отражение в приведенных выше словарных статьях. Пятая колонна в тот период – это официально делегитимированный внутренний враг, осуществляющий незаконные действия в интересах провозглашенного государством врага внешнего. Официальная делегитимация позволила исключить толерантное отношение к такому врагу и оправдать необходимость его уничтожения. Следует отметить, что специфика законодательства того периода, в том числе монопартийная система, закрепленная в ст. 126 Конституции 1936 года¹⁷, отсутствие независимой системы правосудия и свободы слова привели к тому, что государство получило возможность произвольно включать в состав пятой колонны любых субъектов, в том числе идеологических противников режима, которых сегодня мы бы назвали политической оппозицией и которые впоследствии были реабилитированы. При этом такое включение всегда обосновывалось иными причинами (шпионаж, вредительство и т.п.), так что знак равенства между оппозицией и пятой колонной поставлен не был. А после XX Съезда КПСС, развенчавшего культ личности Сталина и осудившего политические репрессии¹⁸, фразеологизм „пятая колонна” постепенно утрачивает идеологическую составляющую и употребляется в основном в связи с описанием событий гражданской войны в Испании.

---

¹⁶ *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т., т. 5, Москва Ленинград: Изд-во Академии наук СССР 1956, с. 97.

¹⁷ См.: Ю.С. Кукушкин, О.И. Чистяков, *Очерк истории Советской Конституции*, Москва: Политиздат 1987, с. 310.

¹⁸ См.: Н.С. Хрущев, *О культе личности и его последствиях*, „Известия ЦК КПСС” 1989, № 3.

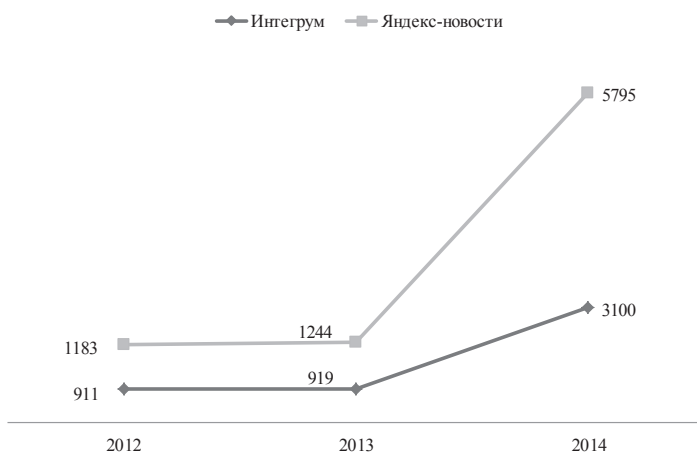

3. Поиски пятой колонны в современной России

В 2014 году в российском медиадискурсе происходит резкая реактуализация фразеологизма „пятая колонна”. Об этом свидетельствуют данные количественного анализа, полученные с использованием двух систем: с одной стороны, крупнейшего корпуса текстов российских СМИ „Интегрум”, с другой стороны, крупнейшей российской поисковой системы „Яндекс”, индексирующей тексты СМИ в разделе „Новости” (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Частотность индексирования словосочетания «пятая колонна» в базе данных „Интегрум” и в разделе „Новости” поисковой системы „Яндекс” в 2012–2014 гг.

При этом современные фразеологические словари русского языка определяют рассматриваемую языковую единицу примерно так же, как советские, но предельно обобщенно, что достигается за счет отказа от второстепенных, в том числе идеологических, признаков (связь пятой колонны с фашизмом, характеристика режима, против которого действует пятая колонна и т.д.): пятая колонна – „тайные агенты врага – шпионы, диверсанты, предатели, изменники. <...> публ., неодобр.”¹⁹. Таким образом, языковая единица сохраняет высокую интенсивность отрицательной оценки.

Однако, как показывает наш материал, фразеологизм „пятая колонна”, встраиваясь в новую идеологическую систему, претерпевает существенные изменения, которые можно назвать семантическим сдвигом. В результате но-

¹⁹ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии...*, с. 284.

вое значение фразеологизма входит в противоречие как со словарными толкованиями, так и с многолетней практикой употребления. Покажем это с помощью примеров из российских проправительственных СМИ:

Это они (пятая колонна – *Авт.*) в начале 1940-х воспрянули и, кокетливо вертясь перед зеркалами, замурлыкали свою похабную песенку: „Немцы – культурная нация. У них в журналах – реклама дамских подвязок и даже вазелин с ароматом розы!” Это их внуки в конце 1980-х высмеивали и поливали грязью всё советское, читай – русское, чтобы через пару лет, под шумок, начать распродажу Родины. (...)

А ещё – скакали с белой ленточкой в районе Болотной площади, требовали свободы для храбрых-красивых девушек из PussyRiot, стряпали в своих бложиках демотиваторы и прочие „смешные фишки” про Медведева, демонстративно не смотрели Олимпиаду-2014, считая, что на этикие-то деньжищи можно было бы построить истинную демократию в России. (...)

Так и здесь – „Марш мира” выглядел, как обычная тусовка господ пятой колонны. Либеральные бабушки-старушки, пострадавшие в своё время на „бульдозерной выставке”. Нежные содомиты и brutальные национал-гитлеристы. Чахлые хипстеры в помойно-винтажных шарфиках и бизнесующие (sic!) супер-леди на точёных каблучках

(Г. Иванкина, *Национал-предатели*, „Завтра”, 21.03.2014).

Мы воспроизвели столь объемный фрагмент из материала газеты „Завтра”, чтобы проследить эволюцию представлений о пятой колонне, в ходе которой происходит очень характерная, на наш взгляд, подмена объекта номинации и, как следствие, трансформация значения рассматриваемой идеологемы. Сначала к пятой колонне автор относит советских граждан, которые в период Второй мировой войны оправдывали фашизм и тайно занимали сторону врага. Это в целом соответствует традиционному определению. Но далее журналист обращается к периоду конца 1980-х гг. и называет пятой колонной всех критиков советского, игнорируя при этом явный недостаток оснований для использования данной номинации: в условиях официально объявленной гласности эти критики действовали открыто и на вполне законных основаниях, а их связь с внешним врагом представляется сомнительной в связи с отсутствием явного врага после окончания холодной войны. Говоря о современном историческом этапе, журналист продолжает весьма вольно обращаться с рассматриваемым фразеологизмом и – вопреки его словарному значению – относит к пятой колонне всех оппозиционеров. При этом лишь одна из перечисленных групп (*национал-гитлеристы*) может рассматриваться как нелегальная, если она действительно связана с идеологией „гитлеризма” (национал-социализма).

Таким образом, мы видим, что семантика фразеологизма трансформируется в соответствии с идеологическими убеждениями адресанта. В состав пятой колонны включаются произвольно отобранные автором идеологически чуждые элементы. В результате чрезвычайно высокий заряд агрессии, который ранее предназначался для врагов, официально объявленных вне закона (шпионов и предателей), применяется в отношении легально действующих лиц, а их легальная деятельность подвергается идеологической делегитимации. Данная тенденция все чаще находит отражение в материалах проправительственных СМИ, которые выражают идеологические установки действующей российской власти и, таким образом, функционируют как средства государственной пропаганды:

Есть ли в России пятая колонна в СМИ? Есть и очень мощная. Это „Эхо Москвы”, „Ньюсруком” товарища Гусинского, „Сноб” и РБК товарища Прохорова, владельца баскетбольного клуба в Америке, „Слон” и „Дождь” товарища Винокурова, известного тем, что он обанкротил банк и вывел активы за рубеж, и ряд других. Геноцид против мирного населения эти СМИ называют антитеррористической операцией. Граждан, вставших на защиту своей жизни, чести и достоинства, – сепаратистами-боевиками и тому подобное

(Е. Федоров, *Новости*, „Первый канал”, 20.05.2014).

Депутат от партии „Единая Россия” Евгений Федоров подчеркивает связь идеологически чуждых (оппозиционных) средств массовой информации, именуемых пятой колонной, с иностранными государствами. Для этого он напоминает аудитории, что Михаил Прохоров, среди прочего, является владельцем *американского* баскетбольного клуба, а Александр Винокуров вывел активы *за рубеж*. Неслучайно упоминается и Владимир Гусинский, который уже много лет не живет в России в связи с уголовным преследованием и имеет, кроме российского, израильское и испанское гражданства. В результате создается иллюзия, что выбранная номинация – „пятая колонна” – оправдана (этому способствует и общее негативное отношение к странам Запада, формируемое в современном российском проправительственном медиадискурсе). Однако есть несколько логических несоответствий. Во-первых, говорящий не доказывает, что названные СМИ действуют в интересах иностранного государства, а лишь устанавливает между ними очень условную и опосредованную связь. Во-вторых, говорящий не упоминает каких бы то ни было незаконных действий данных СМИ или их сотрудников (диверсии, шпионаж и прочие виды типичной для пятой колонны подрывной деятельности). В тексте содержится лишь один намек на незаконные действия владельца интернет-журнала „Слон” и телеканала „Дождь” Александра Винокурова, но вопрос о правовом статусе

упомянутого банкротства и вывода денег за рубеж почему-то остается без ответа. Не рассматривается и связь между данными, возможно, незаконными, действиями собственника и работой принадлежащих ему массмедиа. Таким образом, реальной причиной использования номинации „пятая колонна” в отношении оппозиционных СМИ является идеологическая ориентация последних.

Перейдем к анализу одного из выпусков информационно-аналитической программы „Вести недели”, которая выходит в эфир на государственном телеканале „Россия-1”:

В наших интеллигентских кругах разразилась дискуссия, которую трудно не заметить. Она проходит в условиях, когда Россия сталкивается с внешними вызовами. Кому-то не нравится словосочетание „пятая колонна”, но как назвать тех, кто в момент наступления на нас тут же переметнулся на другую сторону? И теперь для них уже все, что там, просто отлично, а все, что здесь, отвратительно. Впору в адрес Обамы телеграммы слать с пожеланием успеха. По аналогии с поздравительными телеграммами от русской либеральной интеллигенции японскому императору после поражения нашего флота под Цусимой (Д. Киселев, *Вести недели*, „Россия-1”, 14.09.2014).

Ведущий программы, заместитель генерального директора Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании Дмитрий Киселев осуществляет метаязыковую рефлексивность²⁰, в ходе которой приходит к выводу о том, что номинация „пятая колонна” вполне закономерно используется в отношении так называемых либералов (далее в тексте речь идет именно о них), которые критикуют реалии современной России, в том числе действующую власть. Чтобы оправдать употребление фразеологизма, автор конструирует образ войны, в которую вовлечена Россия. Для этого он проводит аналогию между современными событиями и Русско-японской войной 1904–05 гг. Примечательно, что сопоставление президента США Барака Обамы и императора Японии Мэйдзи позволяет вполне однозначно обозначить внешнего врага, в интересах которого действуют российские либералы. Им оказываются Соединенные Штаты и – шире – Запад. Нагнетанию эмоций способствует внедрение в текст лексики военной тематики: *наступление*, *поражение*, а также топонима *Цусима*, актуализирующего в сознании россиян позорное Цусимское сражение, в ходе которого российская эскадра потерпела поражение от японского флота²¹. В результате Запад предстает как опасный

²⁰ См.: И.Т. Вепрева, *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*, Москва: ОЛМА-ПРЕСС 2005.

²¹ См.: В.К. Шацлло, Л.А. Шацлло, *Русско-японская война 1904–1905 гг. Факты. Документы*, Москва: Молодая гвардия 2004.

враг, действующий против России и угрожающий ее безопасности, а пособниками этого врага становятся российские либералы.

Впрочем, в некоторых случаях авторы даже не пытаются оправдать использование номинации „пятая колонна” в отношении противников действующей власти, очевидно, подразумевая, что соответствующее значение уже закреплено в современном российском медиадискурсе:

Представители так называемой российской „опозиции” (или „пятой колонны”) сегодня ведут целенаправленную и системную кампанию по дискредитации внешней политики России, лидеров Донецкой и Луганской народных республик, ценностей Русского мира. С этой целью в информационное пространство постоянно вбрасывается целый ряд новых утверждений, не реагировать на которые нельзя

(Ю. Городненко, *„Пятая колонна” жаждет революции*, „РИАН”, 08.08.2014).

Автор материала, размещенного на сайте государственной компании „РИА Новости”, попросту ставит знак равенства между российской оппозицией и пятой колонной, тем самым однозначно фиксируя новое значение фразеологизма. Теперь пятая колонна – это российская оппозиция, те, кто выступают против действующей российской власти. Вот идеологически корректное определение, которое внедряется посредством государственной пропаганды. Между тем, для того чтобы увидеть разницу между двумя понятиями, достаточно заглянуть в толковый словарь русского языка, который определяет оппозицию как „партию или группу лиц внутри какого-л. государственного органа, партии и т.п., противопоставляющую свои взгляды, свою политику и т.п. взглядам, политике и т.п. большинства”²². Здесь нет оценочных сем, связанных с предательством или иной преступной деятельностью, однако есть нейтральная, на первый взгляд, сема, фиксирующая идеологическую инаковость. Очевидно, именно эта сема становится оценочной в рамках сложившейся политической системы. И, более того, идеологическая инаковость становится не просто ненормативной, но преступной, что позволяет поставить ее в один ряд с предательством.

Таким образом, в современном российском медиадискурсе происходит реактуализация фразеологизма „пятая колонна”, который функционирует как официальная идеологема, наполняясь новым содержанием. Теперь так называют идеологических противников действующей власти, то есть политическую оппозицию. Показанный нами семантический сдвиг позволяет изменить от-

---

²² *Большой толковый словарь...*, с. 719.

ношение к новому денотату, наделив его негативными признаками денотата прежнего: оппозиция преступна, она стремится подорвать основы государства, она работает в интересах иностранных врагов, она, как фашизм, должна быть уничтожена. Следствием этого является фактическая делегитимация оппозиционной деятельности, которая де-юре остается легальной.

4. Сопротивление официозной идеологии

Безусловно, современный российский медиадискурс существенно отличается от советского тоталитарного. Во-первых, несмотря на явное доминирование проправительственных СМИ, здесь по-прежнему представлены независимые массмедиа, в том числе оппозиционные. Во-вторых, даже государственные и прочие проправительственные СМИ в некоторых случаях транслируют широкий спектр мнений. В связи с этим официозная идеология сталкивается с сопротивлением²³, а фразеологизм „пятая колонна”, функционируя как элемент этой идеологии, попадает в критические контексты²⁴. Как уже было сказано, это происходит и в проправительственных СМИ:

Я знаю очень многих людей, которые искренне против присоединения Крыма, считают, что это неправильно, Россия не должна так себя вести, и при этом они не являются агентами Соединенных Штатов, они вообще ни чьими агентами не являются. Они так думают, и у них есть своя линия аргументации. У нас, к сожалению, возникает часто соблазн всех, кто не согласен, заклеить как пятую колонну. Это очень опасно, потому что общество в этом случае может натолкнуться на ужасную проблему

(Ф. Лукьянов, *Познер*, „Первый канал”, 17.03.2014).

Представляется важным, что приведенный выше фрагмент прозвучал в эфире официозного „Первого канала”. Собеседник ведущего – Владимира Познера – журналист и политолог Федор Лукьянов отмечает тенденцию расширительного толкования фразеологизма „пятая колонна”: так называют всех инакомыслящих, в частности тех, кто не согласен с политикой Российской Федерации в отношении присоединения Крыма. С помощью оценочной лекси-

---

²³ См.: Н.А. Купина, *Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры*, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та 1999. См. также: А. Вежбицка. *Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны*, „Вопросы языкознания” 1993, № 4.

²⁴ См.: Е.В. Кабуков, *Официальные идеологемы: специфика функционирования в современном российском медиадискурсе*, „Вестник Новосибирского государственного университета”: История, филология 2012, том 11, вып. 6.

ки (*опасно, ужасная*) говорящий демонстрирует явное негативное отношение к этому явлению.

Критическое отношение к официозной идеологеме встречается и в массовых печатных изданиях, которые можно отнести к *мягким таблоидам*²⁵:

Я напомнил эти истории не для того, чтобы пробудить сочувствие к персонажам, которые того не заслуживают. Важно понимать историю. Желание сохранить власть или перераспределить ее в свою пользу, политическое интриганство, карьеризм, жажда должностей и влияния – вот что таится за шумной борьбой против „пятой колонны”

(Л. Млечин, *Сто лет охоты на шпионов*, „Московский комсомолец”, 11.02.2015).

Известный российский журналист Леонид Млечин негативно характеризует обострившуюся борьбу с пятой колонной и вскрывает истинную, с его точки зрения, цель данного процесса, которая заключается в борьбе за сохранение государственной власти. Примечательно, что рассматриваемый фразеологизм заключен в кавычки, что свидетельствует о неприятии автором современной российской практики использования данной языковой единицы.

Чаще всего критическое отношение к официозной идеологеме „пятая колонна” можно встретить в так называемых оппозиционных СМИ. Рассмотрим несколько примеров:

Мои друзья – законопослушные, совестливые граждане. Они платят налоги и соблюдают все правила дорожного движения. Не гадят в подъезде. Возят свой отсортированный мусор на встречи экологического сообщества „Раздельный сбор”. Исправно ходят на выборы всех уровней и голосуют против путинских всех мастей. Участвуют в митингах, посвященных соблюдению хороших законов и отмене плохих.

Как видите, с точки зрения российской власти и ее довольных подданных, мои друзья – типичная пятая колонна

(К. Зарубин, *Тем, кто хочет уехать*, „Сноб”, 20.05.2015).

Этот текст посвящен проблеме эмиграции из России по политическим причинам. Журналист характеризует своих друзей, которым, с его точки зрения, следует задуматься об отъезде, исключительно с положительной стороны и между прочим упоминает их оппозиционную политическую ориентацию (*голосуют против путинских всех мастей*). Однако, как утверждает автор, та-

²⁵ Л.М. Майданова, Э.В. Чепкина, *Медиатекст в идеологическом контексте*, Екатеринбург: Гуманитарный ун-т 2011, с. 11–25.

кой ориентации вполне достаточно для того, чтобы попасть в состав пятой колонны. В результате возникает противоречие между положительными качествами субъектов и отрицательной семантикой используемой в их отношении номинации. Ирония, которую применяет автор, „способствует критическому осмыслению противоречий действительности, а в силу „смеховой отстраненности” – и разрушению ложного пафоса, штампов, идеологических догм и предписаний”²⁶. Действительно, юмор – и ирония как одно из его проявлений – является одним из важнейших способов противостояния государственной идеологии, в том числе претендующей на тотальное господство. По замечанию А.В. Дмитриева и А.А. Сычева, смех „по сути своей антитоталитарен”²⁷, а одним из наиболее эффективных средств языкового сопротивления в Советском Союзе были анекдоты²⁸, которые, разумеется, не распространялись в публичной сфере, по крайней мере в период тоталитаризма.

Перейдем к фрагменту, в котором проводится прямая аналогия между современными российскими и советскими тоталитарными дискурсивными практиками:

Чувство осажденной крепости и уверенность в том, что Россия находится в кольце врагов, у подавляющего большинства граждан, если верить социологам, уже есть. Одобренные на высшем уровне термины „национал-предатели” и „пятая колонна” также в ходу – с более привычными для 30-х гг. „врагами народа” разница тут чисто стилистическая

(Д. Камышев, *Недостающее звено в реконструкции 1937 года*, „Ведомости”, 09.02.2015).

Журналист сравнивает идеологические концепты „национал-предатель”, „пятая колонна” и „враг народа”, показывая, что они имеют много общего, прежде всего в идеологическом плане. Таким способом автор не только проявляет негативное отношение к современной практике употребления фразеологизма „пятая колонна”, но и выявляет неправомерность его использования. Дело в том, что советская идеологема „враг народа” сегодня имеет вполне однозначную интерпретацию: это презрительное наименование того, „кто преследовался законом по обвинению, обычно вымышленному, в антисоветской

---

²⁶ Н.Н. Попкова, *Приемы языкового сопротивления в иронической поэзии Игоря Иртеньева*, [в:] *Советское прошлое и культура настоящего*, т. 1, Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та 2009, с. 198.

²⁷ А.В. Дмитриев, А.А. Сычев, *Смех: социофилософский анализ*, Москва: Альфа-М 2005, с. 528.

²⁸ См.: Н.А. Купина, *Тоталитарный язык...*, с. 98–123.

деятельности”²⁹. Борьба с врагами народа воспринимается как политические репрессии, жертвами которых становились невинные лица, реабилитированные впоследствии. Таким образом, содержание идеологемы, сформированное в период советского тоталитаризма, воспринимается как фальшивое и подвергается переосмыслению: враг народа – это невинный человек, который незаконно подвергся репрессиям. Следуя этой логике, можно интерпретировать и идеологему „пятая колонна”: это группа невинных лиц, безосновательно называемых пятой колонной.

Закончим наш анализ фрагментом из текста, в котором предлагается употреблять фразеологизм „пятая колонна” в его традиционном значении:

Пятая колонна в расширенном смысле слова – это группа провокаторов, боевиков или распространителей панических настроений, готовых поднять мятеж против законной власти. Это понятие можно было бы без натяжек приложить к „вежливым зеленым людям” в Крыму или к засланным на Восток Украины российским погромщикам. Вместо этого оно обращается на сторонников мира, выступающих против всякого насилия. Призывы к миру таким образом приравниваются к вооруженным провокациям или даже мятежу

(М. Ямпольский, *Новинка сезона: „национал-предатели”*, „The New Times”, 24.03.2014).

Данный фрагмент содержит нетривиальную для современного русского медиадискурса интерпретацию фразеологизма „пятая колонна”. Как мы показали, сегодня в России так принято называть представителей оппозиции. Однако Михаил Ямпольский – российский и американский историк, искусствовед и культуролог – формулирует собственное определение данного словосочетания, которое мало чем отличается от словарного, и предлагает примерить его к *вежливым зеленым людям* и *российским погромщикам* на Востоке Украины. Примечательно, что действия тех и других положительно оцениваются в рамках проправительственного медиадискурса. В то же время в данном тексте критике подвергается современная практика, когда пятой колонной, как показывает автор, называют *сторонников мира*. Таким образом, Михаил Ямпольский как бы переворачивает идеологическую картину мира, возвращая ее в нормальное положение посредством использования номинации в ее традиционном (словарном) значении.

Приведенные примеры показывают, что современный российский медиадискурс оставляет возможность для критического осмысления концептов офи-

---

²⁹ *Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения*, Санкт-Петербург: Фолио-Пресс 2002, с. 160.

циозной идеологии, причем это происходит не только в оппозиционных, но иногда и в проправительственных СМИ. Критическая рефлексия в отношении официозной идеологемы „пятая колонна” включает использование следующих приемов: сопоставление современной практики употребления идеологемы с одиозными практиками советского тоталитарного дискурса; сопоставление толкования идеологемы с традиционным толкованием фразеологизма „пятая колонна”; положительная характеристика субъектов, в отношении которых используется данная номинация. Перечисленные приемы позволяют выявить противоречия в реальности, конструируемой средствами государственной пропаганды. По мнению Х. Арендт, такие противоречия являются типичными для всякой тоталитарной пропаганды, которая „не может полностью удовлетворить тягу масс к совершенно непротиворечивому, постижимому и предсказуемому миру без серьезного конфликта со здравым смыслом”³⁰.

5. Выводы

Фразеологизм „пятая колонна”, несущий чрезвычайно высокий заряд агрессии, используется в современном российском медиадискурсе как официальная идеологема. При этом осуществляется семантический сдвиг, вследствие которого происходит подмена денотата при сохранении знака и интенсивности оценки. В результате объектом агрессии становятся не легитимно выведенные за рамки закона враги, а легально действующая российская оппозиция. Все это вступает в противоречие с существовавшей до сих пор практикой употребления данного словосочетания. В то же время рассматриваемая идеологема подвергается и критическому осмыслению. Данный факт свидетельствует о том, что современный российский медиадискурс по-прежнему отражает разные точки зрения, однако сопротивление официозному мнению затруднено в связи с тем, что оно утверждается хорошо организованными средствами государственной пропаганды.

В заключение отметим, что настоящая работа характеризует лишь один феномен современной российской официозной идеологии, которая, безусловно, нуждается в системном и всестороннем изучении, в том числе в сопоставлении с идеологией советского тоталитаризма.

---

³⁰ Х. Арендт, *Истоки тоталитаризма*, Москва: ЦентрКом 1996, с. 464.